

СОЛТАН ДЗАРАСОВ

**КУДА
КЕЙНС
ЗОВЁТ
РОССИЮ?**

Москва
алгоритм
2015

УДК 330(470)
ББК 65.9(2Рос)
Д43

Дзарасов, Солтан Сафарбиевич.

Д43 **Куда Кейнс зовет Россию? / Солтан Дзарасов. — Москва : Алгоритм, 2015. — 304 с. — (Экономика для русских).**

ISBN 978-5-906789-77-8

Автор этой книги — недавно ушедший из жизни Солтан Сафарбиевич Дзарасов, российский политический и общественный деятель, доктор экономических наук, профессор.

В своем последнем произведении С.С. Дзарасов рассматривает опыт построения рыночной экономики в современной России. Автор доказывает, что при сохранении «саморегулирующейся» рыночной модели неизбежен дальнейший развал российского хозяйства, не говоря о невозможности модернизации.

В то же время, опираясь на разработки Дж. Кейнса и его последователей, С.С. Дзарасов показывает, как в России можно было бы уже сейчас создать иную, планово-рыночную модель, которая позволила бы добиться роста экономики, повышения народного благосостояния и гармонизации социальных отношений в обществе.

УДК 330(470)
ББК 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-906789-77-8

© Дзарасов С.С., наследники, 2015
© ООО «ГД Алгоритм», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа предлагается читателю в связи с 75-летием выхода в свет главного произведения XX века по экономической теории — «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса и 65-летием смерти автора. Как в теоретическом, так и в практическом аспекте ни одна другая книга не оказала на экономическое мышление XX века такое влияние, как она. В ней была доказана возможность государственного регулирования экономики, а первая четверть века после Второй мировой войны была воспринята как подтверждение ее положений. Весьма интересна также необыкновенная судьба, которая ждала ее со дня выхода в свет. В отличие от множества других работ, которым пришлось долго ждать своего признания, и оно чаще всего наступало после смерти автора, в данном случае все было по-другому. Книга Кейнса с восторгом была принята общественностью вскоре после появления на книжном рынке, словно она только ее и ждала. Это было потому, что каждая ее строка дышала духом того бурлящего времени, в котором она была написана. Только что скрылась за горизонтом Великая депрессия 1929—1933 годов, но ее тяжелые последствия оставались на виду и требовали своего объяснения. Они и были даны в работе Кейнса.

При этом отметим, что Кейнс не был первым, кто дал ответы на остро вставшие тогда проблемы. За несколько лет до Кейнса польский экономист Михаил Калецкий опубликовал ряд работ об истоках мирового экономического кризиса и дал аналогичные Кейнсу решения и рекомендации с марксистских позиций. Но, в отличие от Кейнса, его работы

не привлекли должного внимания. Во-первых, потому, что западный мир не был склонен прислушиваться к голосу из марксистского лагеря. Во-вторых, потому, что работы были написаны по-польски, а читающая на этом языке публика не была достаточно подготовленной к признанию отечественного пророка.

Судьба Кейнса была более счастливой. Он родился и подвизался в стране высокой культуры, где, с одной стороны, всегда по достоинству ценилась научная новизна, а с другой — была терпимость даже к тому, что в данный момент не считалось общепринятым. Поэтому кейнсианская оригинальность, состоявшая в решительном отходе от общепринятых тогда в экономической теории неоклассических (по терминологии Кейнса классических) постулатов, вовсе не шокировала английскую общественность. Это не значит, что новаторство Кейнса проходило без сучка и задоринки. Здесь тоже было то, что бывает всегда. Труднее всего новаторство признается в профессиональной среде. Отказ от теории саморегулирующего рынка и переход на позиции регулируемой государством экономики был таким громом с ясного неба, и поначалу он вызывал большое недоумение среди выросших на маршаллианской традиции коллег. Но суровая реальность мирового кризиса и его не уходящие последствия, объясненные гением Кейнса, сделали свое дело, и в скором времени его идеи получили полное признание.

И все-таки полного торжества своих идей, пришедших на первую четверть после Второй мировой войны, самому Кейнсу не было суждено увидеть. 21 апреля 1946 года, в возрасте 63 лет, в расцвете творческого дарования очередной сердечный приступ унес его из жизни. Но он оставил 30 томов своего бесценного теоретического наследства, главным из которого является рассматриваемая нами здесь работа. Ее разбору в мировой литературе посвящена гора других работ, и отличиться среди них непросто. Но поскольку, как мы постараемся показать на страницах предлагаемой книги, наследство Кейнса подверглось различным толкованиям и искажениям, то здесь обнаружилось и белое пятно. Это особенно касается российского следа в воззрениях Кейнса.

Он остался за пределами внимания тех, кто писал о нем. Поэтому для российских ценителей Кейнса его наследие с нашей сегодняшней ситуацией имеет тройкий смысл, который состоит, во-первых, в установлении российского следа в его взглядах; во-вторых, в восстановлении подлинного смысла его теории в духе работ посткейнсианских последователей; в-третьих, в применимости этой теории к объяснению современной российской ситуации. Предлагаемая книга посвящена этим именно вопросам.

Беда в том, что одновременно с моделью рынка *laissez faire* российские власти приняли также господствующую в западных странах неоклассическую экономическую теорию (экономикс), которая заняла у нас место прежней политической экономии. Но от этого мы только попали из огня да в полымя и запутались в трех соснах. Несмотря на свою догматичность, советская политическая экономия была если не полным, то все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры. О принятой нами неоклассической ортодоксии ничего подобного сказать нельзя. Во многих западных работах доказывается, что экономикс не отражает реалии даже капиталистических стран. Так, задолго до принятия нами этой теории, еще в 1983 году, выдающийся американский экономист, создатель теории корпоративной экономики А. Эйхнер писал: «Экономикс как самостоятельная дисциплина включает в качестве главного содержания концепцию... которая не находит подтверждения в реальности. Действительно, данная теория — не более чем надуманный набор утверждений, основанных на метафизических, и, следовательно, ненаучных аксиомах. Неудивительно, что государственная политика, следуя подобной теории, просто обречена на неудачу». (Эйхнер, 2004, с. 342).

А. Эйхнер говорил это применительно к западной ситуации. Что касается глубоко отличной ситуации постсоветских государств, то к ней представленная в экономикс неоклассическая теория подходит еще меньше. К сожалению, ни тогда, когда начались реформы, ни теперь, когда уже накопился большой опровергающий их материал, мы не прислушались к предостерегающим соображениям о несостоятельности

этой теории. Между тем, не только классический марксизм, но и признанная на Западе respectable кейнсианская теория, в особенности в ее посткейнсианской трактовке, указывает на то, что капитализм чреват конфликтами и кризисами, против которых не только надо держать ухо востро, но и порох сухим. Иначе говоря, кейнсианство указывает на необходимость как теоретической концепции объяснения конфликтов и кризисов, так и соответствующего набора инструментов для их предотвращения или смягчения. Неоклассический мейнстрим поступает наоборот. Делая главной своей задачей идеализацию капитализма, он выдвигает на первый план теорию общего равновесия и оптимальность по Парето, и тем закрывает глаза на возможность конфликтов и кризисов.

Эту предвзято идеализированную картину капитализма восприняло российское население в начале 90-х годов прошлого века с подачи тех, кто нацелился на захват народной собственности путем ее реформирования и приватизации. Они рисовали капитализм в самых привлекательных красках как царство изобилия и свободы, предлагая последовать примеру тех стран, кто идет этим путем. Людям говорили, что рай находится за углом, стоит ввести рыночную экономику вместо плановой, а народные богатства изъять из ведения государства и отдать в частные руки, как наша экономика поднимется на небывалую высоту и мы заживем счастливой жизнью народов преуспевающих стран.

Многие восприняли разукрашенный правами человека фасад капитализма за реальность. Они того не знали (не хотели знать), что за привлекательным фасадом скрывается нечто другое: отношения господства и подчинения, и благополучие одних строится за счет страданий других, будь то эксплуатация работников своей страны или населения зависимых (периферийных) стран, находящихся под господством мирового капитала. Многие из нас знали, что источник достижений развитых стран состоит не столько в частной собственности, сколько в другой культуре и положении в мире, и простой заменой одной формы собственности другой проблема не может быть решена. Причина разного уровня развития стран

Северной и Южной Америки была не в том, что в одном случае есть, а в другом нет рынка и частной собственности, а в том положении, которое одни (США и Канада) занимают в системе мирового хозяйства по сравнению с другими (латиноамериканскими) странами. Отсюда недоверчивое отношение многих к предложенной нам тогда от имени МВФ и Мирового банка неоклассической модели рынка. И вовсе не потому, что мы были марксистскими ретроградами, как утверждали наши оппоненты, а совсем по другой причине. Десятилетиями мы изучали и преподавали историю и теорию капитализма не только по Марксу и Ленину, но и по Смиуту, Рикардо, Миллю, австрийской школе, Веблену, Кейнсу, Самуэльсону и другим западным экономистам, многие работы которых были переведены на русский язык и были хорошо знакомы советским специалистам. Из них было видно, что рынок и капитализм представляют собой очень сложный продукт длительного исторического развития. Пройти подобный путь в течение считанных дней, как предлагали нам тогда, невозможно. Не надо обладать семью пядями во лбу для понимания того, что в стране, лишенной традиций частного предпринимательства, в мгновение ока не могут появиться эффективные собственники, которые одним махом поднимут экономику на уровень более развитых стран.

Тем более что с высоты марксистского взгляда на капитализм довольно зримо просматривалось его сползание в некое подобное новой Великой депрессии. Массовый характер спекуляций с ценными бумагами (финансализация) не был секретом. Правда, точно никто не знал, когда и чем это кончится. Но такие знатоки капитализма, как Джон Гэлбрейт (1961) и Хайман Минский (1986), выдвигали «гипотезу финансовой нестабильности» (Financial Instability Hypotheses), что было далеко от той гравюрной картины, которую нам рисовали миссионеры рынка. Более того, рекламированные тогда рейганомика и тэтчеризм, снимавшие все преграды экспансии капитала и его проделкам, казались многим содержащими в себе источники будущих осложнений внутри стран и на международной арене. В то время как мэйнстрим разоружал общество, вводя его в заблуждение относительно его бу-

дущего, посткейнсианцы открывали ему глаза, вооружая его реалистическим пониманием надвигающихся на него угроз. Понятно, что такая обстановка должна была насторожить каждого непредвзятого человека относительно нашего поворота на неизвестное бездорожье.

Но трезвость в оценке ситуации тогда была не в моде. Спекулятивная нажива принималась как признак здорового успеха, и капитализм подавался нам как выход из ада дефицита в рай изобилия. Для этого была задействована налаженная система тотальной промывки мозгов. Теперь с помощью средств массовой пропаганды можно убедить людей, что черное есть белое — и наоборот. Так и было сделано, и множество людей поверили, что, отдав свое право собственности и накопленные сбережения невесть откуда взявшимся людям, мы заживем лучшей жизнью.

В книге будет показано, что в отличие от названных выше посткейнсианцев, предупреждавших о приближении нового мирового кризиса, неоклассические теоретики (Р. Лукас, Б. Бернанке) доказывали, что «современная макроэкономическая политика решила проблему делового цикла» (Кругман, 2009, Roubini and Mihm 2010) и связанная с ними опасность якобы уже миновала. В таких же успокоительных утверждениях не было недостатка и накануне Великой депрессии 1929—1933 годов, в годы, отмеченные беззаботным процветанием. Позиция же Кейнса была другой. С того момента, как он покинул Пражскую мирную конференцию 1919 года, бросив в лицо ее участникам свою книгу о роковом характере принятых ими решений, он стал бить в набат относительно угроз, наступающих на капитализм с разных сторон. Его выступления в им же основанном «Клубе политической экономии», а также газете «Нация» были проникнуты заботой о будущем. Кейнс указывал, что «любовь к деньгам», с одной стороны, стимулирует предпринимательство и выпуск продукции, но с другой — усиливает социальное и имущественное неравенство до степени, создающей угрозу самому существованию капитализма. Свободный рынок (*laissez faire*) для него, как мы покажем, было не что иное, как безудержный разгул порочной «страсти к деньгам», создающей кричащие неравенства и тем самым несущей угрозу обществу, в котором он жил.

Глубокая тревога о судьбе этого общества захватила Кейнса под влиянием двух драматических событий XX века: русской революции 1917 года и Великой депрессии 1929—1933 гг. В отличие от множества других политиков, ученых и других деятелей Запада, он не считал их случайными, а вполне закономерными, возникшими на почве дряхлеющего капитализма. Но, верный ценностям этого общества, целью своей жизни он сделал их защиту перед лицом исторического вызова. Но не путем апологетического приукрашивания язв капитализма, как это делали многие его коллеги, а путем их вскрытия и устранения и, таким образом, его обновления и улучшения.

Никто из западных мыслителей, подвизавшихся на арене общественно-экономической мысли, не проникся этой миссией так, как Кейнс. Его кипучая деятельность и невероятные интеллектуальные усилия, вершиной которых стала *Общая теория занятости, процента и денег*, являются еще одним свидетельством того, что великие идеи не возникают на пустом месте, они оказываются под силу тому, кто воспринимает драму эпохи как личную драму. Таким был Карл Маркс, принявший близко к сердцу несправедливость капиталистического общества, угнетенное положение безжалостно эксплуатируемого рабочего класса, и он встал в его защиту. С этих позиций он осветил реальности капиталистического общества с непревзойденной силой и полнотой. Как бы сама эпоха вручает свою судьбу тому, кто острее других страдает от ею же причиняемой боли, ибо только переживаемая обществом драма придает человеку ту остроту зрения, благодаря которой он способен видеть то, что не видно другим. Для XIX века таким был Маркс. Для XX века таким стал Кейнс. Правда, Маркс оценивал буржуазию как класс, паразитирующий на теле рабочего класса, и рассматривал проблемы капитализма с позиций защиты его интересов, в том числе и преобразования общества. Кейнс же придерживался противоположных взглядов. Превыше всего он ставил ценности капиталистического общества, а их защиту перед лицом исторического вызова считал главным смыслом своей жизни. Вначале он провозглашал: «Я хочу скроить такое общество, в

котором большинство существующих проявлений неравенства и его причин будет устранено». (См.: Скидельски, 2005, т. 1, с. 645). Затем к этому он добавляет существенное уточнение: «Я не хочу уравнивать индивидуумов. Я хочу дать поддержку всякому исключительному усилию, способности, храбрости, характеру. Я не хочу противодействовать преуспевающему, исключительному. Я полагаю, что, если сравнивать человека с человеком, средний класс и даже верхний класс оказывается выше рабочего класса». (там же). Высокомерие к рабочему классу предопределило также его предвзято мещанскую оценку русской революции.

В отличие от Маркса, стоявшего на стороне рабочего класса, Кейнс стоял на стороне властвующей буржуазии. Но в отличие от тех защитников капитализма, которых банковский счет приковывает к господствующим представлениям крепче, чем Гефест приковал Прометея к скале, Кейнс был свободен от этих цепей. Он мог позволить себе беспощадно критиковать не только правителей, но и капиталистические порядки в том, в чем их считали противоречащими здравому смыслу и целям благополучия не только верхних слоев общества, но всего народа. В таком духе и написана его *Общая теория*, в которой многие догматы неоклассической (по терминологии Кейнса классической) ортодоксии пересмотрены под углом зрения обеспечения полной занятости и народного благосостояния. Но такой пересмотр осуществлен им не для отказа от капитализма, а его улучшения, что было невозможно без вскрытия его негативных сторон и научного осмысления его реальных проблем. В кейнсианской теории, таким образом, познавательная функция политической экономии является ведущей, а идеологическая — ведомой, а не наоборот, как во многих других случаях.

Однако, как будет показано в книге, за прошедшие 75 лет со времени выхода в свет *Общей теории* она не осталась неизменной. Эта работа, так же как и наследство Кейнса в целом, подверглась существенной переработке мэйнстримом в целях удаления из нее критических оценок капиталистических реальностей и истолкования его идей в духе вульгарной идеализации капитализма, получив название **неокласси-**

ческого синтеза. В первой главе книги я попытался, насколько хватило места и сил, представить кейнсианские идеи в их первоизданном виде, опираясь на высказывания самого Кейнса и пренебрегая избыточными в литературе их вольными трактовками на вкус различных авторов. Эта глава, названная «Кейнсианская революция в экономической теории», с тем же правом могла бы называться «Восстановить Кейнса, чтобы пойти вперед», ибо революцией кейнсианские идеи могут называться в их первоначальном виде и значении, а переработанные и включенные в неоклассический синтез уже носят подсобный характер и на революцию никак не тянут.

Возвращение к подлинному Кейнсу для нас важнее всего потому, что именно на его основе, как будет показано в книге, сложилось **посткейнсианство** в качестве особого направления современной экономической мысли. Предлагаемый в книге переход от модели спонтанного развития к модели регулируемого развития, предполагается более отвечающей нашим нуждам посткейнсианской экономической теорией. По этой причине ей в книге уделено значительное внимание.

В этой связи с самого начала внесем ясность в то, что название «посткейнсианство» многие считают неудачным, ибо источником создания этой теории Маркс послужил не менее, чем Кейнс, а затем стали Калецкий, Кальдор, Джоан Робинсон и ряд других выдающихся экономистов современности. Но поскольку название стало обиходным, то приходится его придерживаться. Гораздо важнее, что посткейнсианцы отвергают неоклассику и противопоставляют ей свой альтернативный подход по широкому кругу проблем — вплоть до методологии экономического анализа, что при всех различиях авторов придает этой теории определенную цельность.

Посткейнсианство отвергает исходное положение неоклассики о свойстве рынка и капитализма к спонтанному саморегулированию, достижению общего равновесия, так называемой оптимальности по Парето, и способности агентов рынка рассчитать и предвидеть результаты своих действий. Наоборот, говорит оно, экономика характеризуется **фундаментальной неопределенностью будущего** и точ-

ные последствия своих действий люди рассчитать не могут. Кризисные спады — явный тому показатель. В рынке и капитализме заложена тенденция не к равновесию, а к его нарушению, когда экономике приходится функционировать «на острие ножа», чреватой обострением социальной напряженности. Единственное, что могут делать люди, это с помощью государства в желательном направлении воздействовать на развитие экономики. Отсюда выдвигание кейнсианством на первый план задачи обеспечения занятости путем стимулирования частных и государственных инвестиций и накачивания совокупного спроса как стимулятора экономического роста.

Посткейнсианство дает наиболее адекватное объяснение современному капитализму и благодаря этому также наиболее верные подходы к оценке проблем пореформенного развития постсоветских государств. В соответствии с этой необходимостью в книге представлена картина сложившейся в России экономической ситуации. В пределах ее небольшого объема во второй главе приводится довольно богатый статистический и фактический материал, бесстрастным языком говорящий о горьких уроках происшедших в нашей стране негативных перемен. Их коренную причину я усматриваю в принятии не соответствующей нашим условиям неоклассической модели рынка. Несоответствие этой модели нашей специфике и потребностям является центральной идеей книги, проводимой от первой до последней ее строки. Обильный фактический материал второй главы рассматривается в книге как экспериментальное опровержение легших в основу наших реформ догматов неоклассической ортодоксии, несостоятельность которых в свое время была доказана Кейнсом, но позднее, не мытьем так катаньем, восстановленных в правах в виде современного монетаризма.

К счастью для нас, в западных странах, прежде всего в Англии и США, с кейнсианским наследством проводилась работа в целях восстановления первоначального смысла содержащихся в нем идей и дальнейшего их развития применительно к меняющейся ситуации в мире. Со временем несостоятельность неоклассических постулатов становилась все

более очевидной, а альтернативная трактовка тех же проблем на основе изначального кейнсианства все более необходимой. Это нашло свое выражение в создании упомянутого посткейнсианства как теории третьего пути, альтернативно — как тоталитарному социализму с его жестко централизованной экономикой, так и бесчеловечному капитализму с неограниченным рынком и безжалостной эксплуатацией труда капиталом. Круг этих проблем рассматривается в третьей главе книги.

В ней читатель увидит, что задолго до того, как наши горе-либералы стали воспринимать неоклассические постулаты в качестве спасительных откровений, посткейнсианские авторы доказывали их несоответствие реалиям капиталистической действительности и неспособность быть основой эффективных решений. В свете посткейнсианских идей становится ясно, что завидное со стороны западное изобилие и благополучие определяются не тем, что рыночная экономика эффективнее плановой, а в немалой степени тем, что составляющие центр силы мирового капитала страны подчинили себе и эксплуатируют страны капиталистической периферии, выжимая оттуда соки для себя. Толком не разобравшись в этом и схватившись за чуждую нам модель рынка, мы выбрали не путь подъема до уровня развитых стран, как нас дурочила официальная пропаганда, а путь сползания до уровня периферийных стран, как оказалось на деле.

Теперь мы пожинаем плоды своего рокового выбора. С тем большей необходимостью нам надо разобраться в том, какая теория отвечает нашим нуждам, а какая нет. Наиболее подходящей нашим условиям представляется институционально-посткейнсианская экономическая теория, различные аспекты которой рассматриваются в третьей главе. Читатель ознакомится здесь с тем, как и почему она складывалась и что собой представляет ее современный потенциал, а самое главное — какие идеи этого направления каким образом могут быть использованы в российской практике. Само собой разумеется, что нужной нам теории в готовом виде нигде нет. Посткейнсианство также не является таковым. Разработанное западными учеными на их собственном материале,